

СТИХИ СТРОИТЕЛЕЙ БАМа

Владимир ГУЗИЙ

ОТРАЖЕНИЕ

В паркете начищенном, цвета болота,
неясным пятном отражается кто-то.
И все же случается чудо такое:
в глазах твоих синих он вспыхнул звездой.
А я далеко от зеркал этих синих.
Я весь в проводах электрических линий,
в запутанных тропах, в распахнутых зорях...
Но против подобных объятий не спорю,
на злую судьбу не кричу, не ругаюсь
и в бледных паркетинках не отражаюсь.
Меня отражают таежные реки
и чай в стылой кружке, и рельсы в разбеге.
И сам я, тайгою росистой шагая,
Весь мир отражаю, но не отвергаю.
Мы все отражаемся, все отражаем,
и что-то большое в себе продолжаем.
Не в тонких стаканах, не в зыбких витринах, —
в стремительных планах, в расколотых льдинах.
Не легкостью смеха, а трудностью вздоха
нашими легкими дышит эпоха.
Сквозь эту эпоху, сквозь эти мгновенья
пробьется лицо моего поколения.

ШОФЕР ВЛАДИМИР ДОЙКОВ

КраЗа мощный рев звериный.
У меня по телу дрожь:
здесь такие серпантины,
что костей не соберешь.
Ну, а он спокойно шутит,
он на дрожь мою плюет,
разговаривает, курит
и дороги критикует,
но «на всю железку» жмет.

Он привык к такой работе:
когда солнце чуть встает,
Завести свой КраЗ в Моготе,
верст отмерить много сотен,
и из Невера — в Могот.
Рейс за рейсом.
Рейс за рейсом.
Как челнок, назад-вперед.
Чтоб быстрее ложились рельсы,
чтобы строили умельцы
город будущий Могот.
Пусть не город, пусть поселок.
Лишь бы первый, чистый, свой, —
как ребенка из пеленок,
поднимать над мерзлотой.

ЗАКОН ПРИТЯЖЕНИЯ

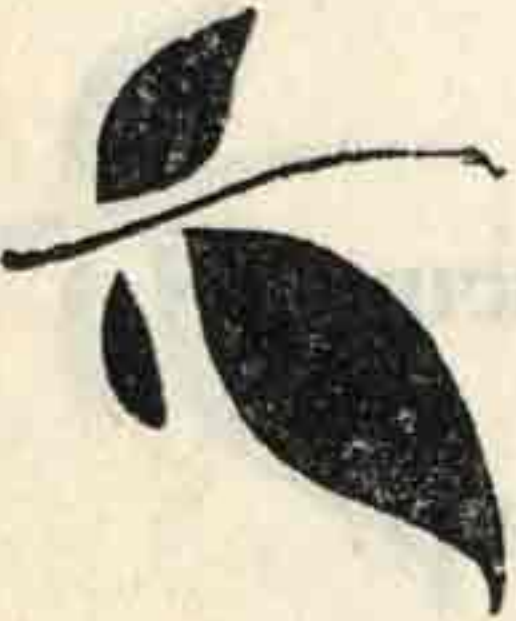

Ну как, нелегко? А ты что же думал?
Что БАМ — это так, пустяки для мужчины?
Хорошие люди, приличные суммы
и письма из дома: «Держись, молодчина»?
На деле же БАМ непрост, неустроен.
И вовсе не каждому стать здесь героем.
Ведь БАМ — это будни, тяжелые будни.
А праздники здесь — только будней вершина,
и люди о жизни по-своему судят
и хвастать собой не находят причины.
И БАМ — это проба, высокая проба
на дружбу и верность, на душу и плечи,
Лентяйство — болезнь, очень злая хвороба.
Ее здесь настойкою трудностей лечат.
Я эту настойку глотаю упрямо.
Уже не уеду. Навряд ли раскисну.
И, как подорожник на мелкие раны, —
такие домашние мамины письма.
И письма друзей, очень разные письма —
одни уважают, другие смеются.
И часто приходят колючие мысли:
так делать судьбу или взять ее с блюда?
Ведь БАМ — это судьбы, счастливые судьбы,
коммуны в тайге, где все делится вместе.

На эту дорогу хоть глазом взглянуть бы
(жаль, нету бессмертия!) — лет через двести.
Пусть люди тогда плохо знают о БАМе,
пусть гонят пути за орбиту Плутона,
но будет закон, что был выстроен нами,
сильнее великих законов Ньютона.
Закон притяженья к работе и людям,
закон притяженья к кострам и дороге,
и тяга к земле, где родились и будем
к мирам стартовать и вершить все итоги.
Мы точно родились ни рано, ни поздно, —
нам срок испытанья отличный отпущен.
При нас зарождаются новые звезды,
которые люди увидят в грядущем.

Александр АСТАФЬЕВ

* * *

Я снова в мыслях дезертирую
в свою московскую квартиру.
Летит шальная телеграмма
о том, что я срываюсь с БАМа.

Я в самолет швыряю вещи...
И вот, по лунному лучу,
транзитом через Благовещенск
в Москву с волнением лечу,

где пыль на книгах трехгодичная,
и телефон почти забыт,
и где соседка симпатичная
свой не устраивает быт.

Но там хожу я неприкаянный,
до чертиков бетонно-каменный.

А по ночам в уюте дома
мне снятся запахи бетона.

Багульник снится придорожный,
уже до боли невозможный,
друзья надежные, далекие...
И по тайге тоскуют легкие.